

«А все-таки жизнь хороша...»
Поэтический язык Арсения Тарковского

© В.Д. СЕРАФИМОВА,
кандидат филологических наук

В статье рассмотрены основные мотивы, поэтика стихотворений Арсения Тарковского исторической, военной и философской тематики. Выделены мотивы дома, бессмертия, любви к жизни, к России, ее языку.

Ключевые слова: поэзия А. Тарковского, мотив, Россия, бессмертие, дом.

The article analyzes the main motives, poetics of poems by Arseny Tarkovsky of historical, military and philosophical contents. Selected motives of the house, immortality, love to life, to Russia, to its language.

Key words: poetry by A. Tarkovsky, motif, Russia, immortality, house.

В своих воспоминаниях Тарковский подчеркивал: «Я был воспитан в преклонении перед законами человечности, уважения к личности и достоинству людей. Я считаю, что самое главное в мире — это идея добра. Идея добра во всех ее воплощениях» [Т. 2. С. 235]. В центре внимания Тарковского — человек, его место в мире: «Я человек, я посредине мира» [Т. 1. С. 172]; он говорит: «Узнал я, что земная ось / Проходит сквозь меня» [Т. 2. С. 119]. «Я каждый день минувшего, как крепью, / Ключицами своими подпирал...» [Т. 1. С. 243].

«Я век себе по росту подбирал» — один из важнейших творческих принципов поэта, в котором важным, основополагающим является понятие дома. В каком бы столетии, времени, географическом пространстве ни жил человек, его воля, стремления направлены к созиданию, свершению, сохранению дома, малой Родины, и в более широком, общечеловеческом — единению людей:

Живите в доме — и не рухнет дом.
Я вызову любое из столетий,
Войду в него, и дом построю в нем.
Вот почему со мною ваши дети
И жены ваши за одним столом... [Там же. С. 242].

Со стихами Тарковский выступил в печати в 1926 году, в 30-е годы он редко публиковал свои оригинальные стихотворения, но имя его было известным в кругу писателей, он знакомится с О. Э. Мандельштамом, с вернувшейся из эмиграции, из Франции, М. Цветаевой. Знакомство с ней перерастет в дружбу, в творческие контакты.

«Неожиданным и драгоценным подарком современному читателю» назвала книгу А. А. Тарковского «Перед снегом» А. А. Ахматова в своей рецензии: «Эти долго ожидавшие своего появления стихи поражают рядом редчайших качеств. Из них самое поразительное то, что слова, которые мы как будто произносим каждую минуту, делаются неузнаваемыми, облеченными в тайну и рождают неожиданный отзвук в сердце... Как вечно и в то же время современно это звучит! Он уже ожил “на пирушке живых” и рассказал нам много о себе и о нас» [2].

Поэзии Тарковского присуще постоянство мотивов (исследователи давно обратили на это внимание), с годами углубляющаяся разработка излюбленных тем, среди которых – неприятие насилия, сопротивление злу. В стихотворениях, посвященных истории России, таких, как «Петр», «Петровские казни», выражена гуманная позиция поэта – утверждение ценности человеческой жизни. Описывая город, воздвигнутый Петром Первым, он называет время его царствования «обезумевшим веком»: «И снова блуждал обезумевший век...». Писатель предьявляет Петру Первому гневный упрек:

Ты в бронзу закован, и сердце под ней
Не бьется, смиренное северным веком, –
Здесь царствовал циркуль над грудой камней
И царский отвес не дружил с человеком [Т. 2. С. 78].

Тарковский творчески преемствует идеи поэмы Пушкина «Медный всадник», обвиняет Петра Первого в том, что власть пренебрегала жизнью конкретного человека, проводит параллель между веком нынешним и петровским, прибегая к таким средствам художественной выразительности, как олицетворяющие сравнения, метафорические эпитеты: *томление ночи, слепое столетье, обезумевший век, братствовал с тьмой* и т.д. Образы стихотворения рождают ассоциации («Вздымались копыта коня надо мною...») с пушкинскими строками, с трагедией «маленького» человека.

Я понял, куда нас оно завело,
Томление ночи, слепое столетье. {...}
Я видел тебя и с тобой говорил,
Вздымались копыта коня надо мною,
Ты братствовал с тьмой и не бросил удил
Над нищенским домом за темной Невою [Там же. С. 78–79].

Негативное отношение к жестокости Петра Первого – в его портрете в стихотворении «Петровские казни»: «У, буркалы Петровы, / Навыкате блетки!» [Т. 1. С. 246].

Любовь к своей земле, к России, ее традициям, корням поэт выразит в стихотворении с эпиграфом из «Слова о полку Игореве» *Кони ржут за Сулою*:

Русь моя, Россия, дом, земля и мать!
 Ты для новобрачного – свадебная скатерть,
 Для младенца – колыбель, для юного – хмель,
 Для скитальца – посох, пристань и постель,
 Для пахаря – поле, для рыбака – море,
 Для друга – надежда, для недруга – горе...
 Для сердца сыновьего – негасимый свет
 Нет тебя прекрасней и желанней нет [Там же. С. 114].

Образные сопоставления, сравнения, риторические вопросы с опорой на русскую историю проникнуты любовью к России, желанием беречь и защитить ее – стихотворение создано в годы войны:

Разве горький Игорь, смертью смерть поправ,
 Твой не красил кровью бебряный рукав?
 Разве киноварный плащ с плеча Рублева
 На ветру широко не полощет снова?
 Как душе – дыханье, руке – рукоять.
 Хоть бы в пропасть кинуться – тебя отстоять [Там же].

Трагическому и героическому периоду жизни советского народа в годы Великой Отечественной войны посвятит свои произведения Тарковский, добровольцем ушедший на фронт, работавший как военный корреспондент в газете «Боевая тревога». В 1943 году он был награжден Орденом Красной Звезды. Среди поэтов-фронтовиков его поэзия привлекает глубоким психологизмом, философичностью, художественным совершенством. После тяжелого ранения под городом Городком Витебской области Тарковский находился в военных госпиталях, где ему ампутировали левую ногу.

Война рассматривается Тарковским как космическая трагедия, в стихотворениях неизменно присутствует тема памяти о погибших товарищах, о них вступают в разговор с автором, как в военных стихах А. Т. Твардовского «Я не знаю никакой моей вины» и «Я убит подо Ржевом». И так же, как в стихах Твардовского, у Тарковского звучит мотив вины перед погибшими: «Это сознание вины предстает в облике “ночных гостей”» [3]:

Я не был убит на войне,
 Так значит – и вправду везло мне.
 Но братья стучатся ко мне:
 – И помни, – твердят мне, – и помни...
 – И помни, что были у нас
 И матери наши, и дети... [Т. 1. С. 359].

Повтор – основной прием поэтики фольклора – глагол *и помни* побуждает хранить память о тех, кто отстоял свободу, проникнуться трагической судьбой солдат, их эмоциональным обращением к живым.

Исток героизма советского народа на войне – патриотизм:

Вы нашей земли не считаете раем,
А краем пшеничным, чужим караваем, –
Штыком вы отрезали лучшую треть.
Мы намертво знаем, за что умираем:
Мы землю родную у вас отбираем,
А вам – за ворованный хлеб умереть! [Там же. С. 110].

Глагол *умереть* звучит как приговор врагам.

Свою глубокую любовь к России Тарковский выразил в стихотворении «Словарь», основанном на развернутой метафоре его неразрывной связи с родной почвой, со «святым» языком:

Я ветвь меньшая от ствола России,
Я плоть ее, и до листвы моей
Доходят жилы, влажные, стальные,
Льняные, кровяные, костяные,
Прямые продолжения корней.

Возникают мотивы бессмертия, вовлеченности в поток жизни: «Я призван к жизни кровью всех рождений...»,

И потому бессмертен я, пока
Течет по жилам – боль моя и благо –
Ключей подземных ледяная влага,
Все эР и эЛЬ святого языка [Там же. С. 190].

Поэзии Тарковского в целом свойственно жизнеутверждающее начало: в стихотворении «Верблюд» он говорит: «Привыкла верблюжья душа / К пустыне, тюкам и побоям. / А все-таки жизнь хороша, / И мы в ней чего-нибудь стоим» [Там же. С. 170]. Поэт ясно сформулировал причину своего оптимизма в стихотворении «Жизнь, жизнь»:

Бессмертны все. Бессмертно всё. (<...>
Есть только явь и свет.
Ни тьмы, ни смерти нет на этом свете.
Мы все уже на берегу морском,
И я из тех, кто выбирает сети,
Когда идет бессмертье косяком [Там же. С. 240].

Свое поэтическое бессмертие Тарковский обрел.

Литература

1. *Тарковский А.* Собр. соч. В 3 т. М., 1991. Указ. только том и стр.
2. *Ахматова А. А.* Собр. соч. В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 244–245.
3. *Воронова Т. А.* Военная лирика Арсения Тарковского // Русская речь. 2007. № 3.

*Московский педагогический
государственный университет*